

ЗВЕЗДЫ И ТЕРНИИ

Дата публикации: 19.08.2009

Авторы: Рандеву Льва Сидоровского

Источник: Невское время

Место издания: Санкт-Петербург

Страница: 11

Выпуск: 151 "151"

Жанр: не определен

170 лет назад была открыта Пулковская обсерватория, чьи астрономы спустя 100 лет стали жертвами проклятой сталинщины

В свое время мне довелось лично знать некоторых, чудом уцелевших, участников этой кровавой вакханалии...

А началась трагедия с какого-то бездарного аспиранта: провалил экзамен кандидатского минимума по небесной механике и в отместку решил своего "обидчика" проучить - благо на столе экзаменатора усмотрел иностранную корреспонденцию. Вот так, весьма прозаически, возник донос на Бориса Васильевича Нумерова - замечательного астронома, геодезиста, геофизика, членкора Академии наук, организатора и первого директора Института теоретической астрономии, члена ученого совета Пулковской обсерватории... Донос пал на удобную почву: во-первых, время для него было выбрано весьма подходящее - 1936-й; во-вторых, в обсерватории нашелся негодяй из шибко больших "общественников", который, получив "сигнал", ретиво проявил "бдительность" - и участь Бориса Васильевича фактически оказалась решенной...

Впрочем, если задуматься, то навет аспиранта для ареста Нумерова скорее всего был не причиной, а просто удачно подвернувшимся поводом. Само Пулково, сама Главная астрономическая обсерватория Академии наук СССР вызывала у бдительных сталинских опричников нескрываемое раздражение. Хотя, казалось бы, ну какую такую опасность для спокойной жизни в родном отечестве могут таить астрономы? Ведь не военачальники, которые в состоянии разложить армию; и не инженеры, которым ничего не стоит разрушить экономику; и не поэты, в конце концов, которые способны сочинить обличительные строки о "кремлевском горце"... Нет, эти чудачки, для кого, как кажется многим со стороны, главная в жизни радость - замереть у телескопа, любуясь на Марс, Венеру или какую другую далекую планету, могуществу державы угрожают, ясно, меньше всего... И всё же... И всё же - слишком уж независимы, хотя по происхождению большинство - из дворян, и поэтому должны быть, как говорится, ниже травы, тише воды. Так нет же, наоборот - гордость показывают. А еще за границу без конца шастают - только ли с "научной целью"? Конверты с иностранными марками получают...

Вот так и "вышли" на Нумерова. Пригласили в "Большой дом" молодого астронома Козырева, тщетно пытались добыть у того на Бориса Васильевича "компромат", отпустили, взяв подписку "о неразглашении". Однако Козырев старшего коллегу о надвигающейся беде предупредил...

За Борисом Васильевичем явились в ночь на 22 октября. Детей срочно отправили спать. Ира и Настя притаились в одной комнате, Андрей - в другой, чутко прислушиваясь к тому, что происходит там, за стеной... Наконец дверь в детскую открылась. Отец - уже в пальто. "Папа, ты куда?" - "Не волнуйтесь, мои родные, ненадолго..." И ушел навсегда.

Через десять дней, 1 ноября, взяли великолепного радиофизика, постоянного научного консультанта пулковцев, который когда-то работал в их коллективе, Александра Павловича Константинова. Еще через неделю - Николая Васильевича Комендантова. У этого сорокалетнего шумного и невероятно доброго человека было две страсти: астрономия и Пушкин. Даже состоял в Обществе пушкинистов. Таскал за собой туда на заседания и дочку. Она его часто проверяла: раскроет пушкинский томик на любой странице, только произнесет первую строчку, отец с ходу продолжает... Еще любил читать стихи по-латыни - она привыкла засыпать под эти латинские строфы...

А вообще-то вместе с другими коллегами отец стоял у истоков советской астрономической науки, малые планеты знал прямо-таки досконально: и "норов" каждой, и особенности орбиты движения - так что безошибочно определял, где сейчас находится, допустим, Юнона, или Веста, или Церера... Его теоретические и исследовательско-расчетные работы публиковались не только дома, но и в Берлине, Лондоне, других точках мира. Ученый успешно наблюдал двойные звезды. Кроме того, по заданию Государственного артиллерийского управления составил баллистические таблицы, которые сразу обрели огромную практическую ценность. В 1936-м без защиты диссертации Николаю Васильевичу присвоили степень доктора наук и звание профессора.

В тот вечер, накануне 7 ноября, - рассказывала мне Татьяна Николаевна Комендантова - радостный отец, вернувшись с праздничного концерта, обнял дочь: "Ложись пораньше. Чуть свет подниму на демонстрацию..." Но разбудил ее задолго до рассвета не он, а резкий стук в дверь. Потом был долгий обыск. На столе росла груда конвертов с заграничными штемпелями. Отец стоял бледный...

Впрочем, той предпраздничной ночью один "воронок" обслужил в Пулкове, в так называемых "восточном" и "западном" корпусах, где жили сотрудники обсерватории, сразу несколько квартир. Таковую "встречу" девятнадцатой годовщины Великого Октября устроили старейшему астроному (ему шел уже седьмой десяток) Петру Ивановичу Яшнову, а еще - Иннокентию Андреевичу Балановскому, Вере Федоровне Газе, Науму Ильичу Идельсону, Николаю Александровичу Козыреву...

Козырева арестовали в Доме архитектора, прямо на балу - когда отводил свою даму после танца на место. Поинтересовался: "А как же дама? Кто ее проводит домой?" Его успокоили: "За даму не волнуйтесь, провожатые найдутся..."

Несколькими неделями раньше на обед к Балановским пришли Козырев и одна подруга хозяйки, Инны Николаевны. Во время обеда, развернув свежий номер газеты и увидев там очередной снимок Сталина, Кагановича, Ворошилова и других членов Политбюро, Иннокентий Андреевич бросил резкую фразу. Гостья замерла, а потом торопливо засобиралась домой. Как Козыреву вскоре стало известно, боялась, что он ее опередит. Следовательно орал на Николая Александровича: "Почему не оповестил органы?!"

Козыреву было двадцать восемь. За плечами - Университет, физмат, астрономическая группа, где тон задавали Амбарцумян, Еропкин... Студентом стал в пятнадцать лет, спустя год "Вестник Университета" опубликовал его первую научную статью, в двадцать, уже в Пулкове, аспирант у "отца русской астрофизики" Аристарха Аполлоновича Белопольского. Вскоре по совокупности работ заслужил звание кандидата физико-математических наук. Вместе с Еропкиным занимался изучением зодиакального света, а это требовало южных широт и чистого неба - поэтому многие дни проводил верхом на лошади в глухих районах Средней Азии. Ежемесячник Королевского Астрономического общества Великобритании, журнал среди астрономов авторитетнейший, опубликовал его исследования о протяженных звездных атмосферах. В голове роились интереснейшие задумки...

Когда начались аресты, директор Пулковской обсерватории, талантливый исследователь звезд, планетарных туманностей, межзвездной среды Борис Петрович Герасимович находился в столичной командировке. В заранее оговоренный день и час его шофер подкатил к вокзалу. Пятнадцать минут ждет, полчаса - нет Бориса Петровича. Подходит некто в штатском: "Кого встречаете? Герасимовича? Мы его уже встретили. Можете возвращаться..."

Заместитель директора Николай Иванович Днепровский (организатор первой в стране высокочастотной радиотехнической службы времени, выдающийся специалист по фундаментальной астрономии, в частности - по проблеме абсолютного определения склонений небесных светил) был тогда в отпуске. Его дочь, Людмила Николаевна, мне рассказывала:

- Почти круглосуточно занимаясь наукой, отец все-таки успевал регулярно водить нас в Филармонию на симфонические концерты, которыми дирижировали Клемперер, Ансерме, Кнапертобуш... И в Мариинке оперных премьер мы не пропускали... Кроме того, отец обожал походы с рюкзаком за плечами по горам Кавказа. Вот и тогда, 10 ноября, поезд привез его из Кисловодска. Узнав на перроне об арестах, вздохнул: "Значит, и мне не миновать..."

За Днепровским пришли 5 декабря - в тот самый день, когда была принята "Великая Сталинская

Конституция", провозгласившая: "Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора"; "Обвиняемому гарантировано право на защиту"; "Соблюдение всеобщей законности в государстве надежно обеспечивается строжайшим надзором независимых прокуроров". Одновременно взяли Дмитрия Ивановича Еропкина. Вслед за ним - Максимилиана Максимилиановича Мусселиуса, Александра Владимировича Маркова и Евгения Яковлевича Перепелкина...

Женя Перепелкин... Мудрый "Евгеш" - как уважительно называли его товарищи по аспирантуре... Завершив университетский курс почти молниеносно, блестяще защитив дипломную работу под названием: "Опыт математической теории протуберанцев", девятнадцатилетний Перепелкин оказался аспирантом в "астрономической столице мира". Его кандидатская диссертация основывалась на измерении области около "Летающей звезды" Барнарда. А "для души" у Жени было Солнце. Приняв участие в экспедиции за Полярный круг на полное солнечное затмение, получил превосходные снимки внутренней короны и хромосферы.

Женившись на Галочке Яшновой, дочери Петра Ивановича, Перепелкин вошел в семью одного из самых знаменитых "пулкачей" (так в Пулкове они сами себя шутливо именовали). Яшнов дома частенько играл на фисгармонии, зять тоже обожал классическую музыку - впрочем, наука и музыка почти для всех "пулкачей" были неразделимы... Перепелкин основательно занялся протуберанцами: накопил огромный материал по их лучевым скоростям, внутренним движениям и физическому состоянию. Но обработать всё это успел лишь частично. Начался погром... Петра Ивановича забрали в числе первых, Женю - последним. Дом опустел...

Схватили и будущего астронома, пятикурсника ЛГУ Николая Пальчикова, потом его старшего брата - шофера, затем младшего брата - слесаря, следом - друга-сокурсника Сашу Балакина... Всем определили "по 10 лет без права переписки", что означало - "расстрел"...

Поначалу астрономы оказались в доме предварительного заключения, потом - в "Крестах". Только там жен и детей допустили на свидание. Узнать родные лица было трудно: так изменили их пытки...

Балановский шепнул жене: "Мучений не вынес, подписал, что шпион. Днепровского терзали так, что теперь он в психбольнице..."

Комендантов торопливо сообщал: "Самое трудное - совсем не давали спать... Кажется, не подписал протокол допроса один Мусселиус..."

Кто-то рассказывал: "Несут по коридору труп, прикрытый простыней. "Кого?" - спрашиваю. Отвечают: "Директора Пулковской обсерватории..."

Вконец измученный, обритый наголо, смертельно бледный Нумеров несколько раз горестно повторил: "В чем только меня не обвинили..." Передал Екатерине Ефимовне узел с грязным бельем. Развернула узел дома - письмо: "В Президиум Академии наук СССР". Далее следовал подробный рассказ про то, что случилось с пулковцами... Сразу же отправила письмо на имя президента академии. Но ответа ни она, ни муж не дождалась...

Вскоре пришли и за Екатериной Ефимовной, оторвали от детей. Когда ее увозили, Андрюша всё бежал и бежал за машиной по 2-й линии к Неве. Бежал и плакал...

Примерно в то же время арестовали Инну Николаевну Леман-Балановскую. Забрали, чтобы выслать в исправительно-трудовые лагеря, Александру Ивановну Комендантову, Клару Августовну Днепровскую, Анну Ивановну Мусселиус, Веру Николаевну Козыреву, Ольгу Михайловну Герасимович, Ольгу Ивановну Яшнову, Галину Петровну Перепелкину, Людмилу Михайловну Константинову - в общем, всех... Так потянулся их долгий крестный путь, который брал начало в камере на Арсенальной набережной...

В стенах Арсеналки угрюмой,

За прочной решёткой окон,

Объятых тяжёлою думой

Немало скрывалось жён.

Попали в тюрьму мы случайно,

Не зная вины за собой,

И плачем, грустим чрезвычайно,

И рвёмся к ребятам домой...

Кто из них сложил эту немудреную песню - сейчас уже не выяснить. Как не определить и автора другой, сочиненной тоже в их женском товарном вагоне:

По железной дороге к востоку

Длинный поезд товарный идёт,

Он не связан прибытием к сроку,

Может ехать и месяц, и год...

Загорожены крошки-оконца,

Пара прутьев сковала окно,

Но лучи справедливого солнца

Освещают вагон всё равно...

Эти песни потом, после освобождения, часто вспоминала Екатерина Ефимовна Нумерова...

В их семье сохранилось письмо Бориса Васильевича из орловской тюрьмы от 20 декабря 1940 года, которое начинается так: "Я жив и здоров. С интересом занимаюсь своей работой по небесной механике..." Вот так: в тюремной одиночке писали работы по небесной механике, сквозь железную решетку окна тянулись к звездам - такие это были люди...

Всего девять писем успела получить Зинаида Дмитриевна Еропкина из грязовецкой тюрьмы, что в Сталинградской области, от сына своего Мити... Прочитать бы их здесь полностью - такая в этих весточках из неволи красота и сила души, - да, увы, место не позволяет. Но и короткие выдержки из некоторых тоже скажут вам о многом...

"2.09.37. Дорогая мамочка!.. Утром я делаю гимнастику, затем занимаюсь английским языком. Заниматься наукой очень трудно из-за отсутствия специальных научных книг... Иногда читаю популярные лекции по астрономии и слушаю - по физике..."

"16.09.37. ...Написал недавно в Москву, в НКВД, заявление с просьбой разрешить мне получить несколько книг по специальности... Прошу тебя в следующем письме сообщить мне точные цифры о расстоянии, массе, периоде вращения спутников Юпитера и Сатурна. Все эти данные можно найти в "Курсе астрофизики", часть 2-я... Хотелось бы также получить текст теорем, сформулированных мною по теории переменных звезд и озону..."

"16.10.37. ...Прочел вчера снова "Отцы и дети" Тургенева - чарующее впечатление. Я даю уроки русского языка и буду "прорабатывать" это произведение. Занимаюсь физикой. Обдумываю написанные книги по оптике. Хотелось бы изложить учение о свете с новой точки зрения... Сейчас я с увлечением набрасываю курс диоптрики и обсуждаю эту область науки, очень интересную с точки зрения новейшей физики..."

"11.11.37. ...В начале этого месяца отправил на имя И.В.Сталина две написанных здесь научных статьи

с просьбой передать для опубликования президенту Академии наук. Одна - по теории переменных звезд, другая - об эволюции Солнечной системы..."

"17.12.37. ...Начатые мною научные работы по окончании имели бы большое государственное значение. Они касаются состава атмосферы, условий распространения радиоволн и поглощения света... Стараюсь бодро переносить несчастья. Помню деда..."

"3.01.38. ...Берегите себя. Не надо калечить себя, свою нравственную чистоту..."

Когда-то его дед, декабрист Дмитрий Иринархович Завалишин, волей Николая I, провел в заточении тридцать лет. Ну а нареченный в память о деде внук, приговоренный Военной коллегией Верховного суда СССР к десяти годам лишения свободы, во время отбытия наказания, без следствия и суда, по постановлению "тройки" УНКВД, был расстрелян - за то, что якобы "не разоружился". Наверное, палачей раздражало, что Дмитрий Еропкин и там, в грязовецкой тюрьме, отстаивал свою "нравственную чистоту"...

Ну а Козырев, пройдя - без преувеличения - сто кругов ада, остался жив. (Кроме него, из всех товарищей по несчастью дожидаться призрачной свободы выпало лишь Маркову, Идельсону, Газе). Николай Александрович (с которым мне тоже посчастливилось в жизни встретиться) стал выдающимся ученым, среди прочего открывшим вулканизм на Луне, за что в Астрономической академии США получил золотую медаль с девизом: "Через тернии - к звездам!"

Поэт назвал Козырева "небесным интеллигентом".

Великое же спасибо и вечная память им, пулковским астрономам, "небесным интеллигентам", которые даже в черную ночь проклятой сталинщины, несмотря на все тернии, на все ужасы, на всю кровь, все равно упрямо тянулись к звездам!